

Как шутят пионеры

Если вспоминать пионерский лагерь, то каждый найдет несколько историй, связанных с розыгрышами, приколами и просто шалостями. Конечно, кто из нас не ходил ночью к девочкам в палату, не мазал зубной пастой, тщательно согретой подмышкой. Всего уж и не упомнишь тут и зашитые карманы брюк, и висельник на люстре в палате, и прибитые к полу кеды. Да мало ли, чего могли измыслить воспаленные пионерские извилины! Это, так сказать, дежурные забавы. Я же хочу рассказать про забавы.... Ну , скажем, другого уровня. Итак...

На веранде первого отряда, как впрочем, и других, стоял теннисный стол, за которым шло извечное рубилово. Уж, как только не играли и персонально, и парами, и вкруговую на вылет! Ракетки в лагере были откровенно фиговенькие, поэтому некоторые привозили с собой мягкие вьетнамские или китайские ракетки с протертыми одеколоном поверхностями в чехольчике. Прочие же играли чем было простыми жесткими или ободранными полумягкими. Но битвы были действительно нешуточные. Наш Алик

Шершневу на олимпиаде 7 лагерей взял первое место и этим гордился каждый пионер в нашем лагере. Но я не про это!

Как обычно, у стола шла очередная баталия, и, несмотря на неумолимо надвигающийся «тихий час» расходиться ни кто не собирался. Напрасно вожатая уже трижды призывала всех занять свои кровати и утихомириться. Не помогало. Видя безрезультатность ее попыток, на передовую выдвинулся вожатый. В рубашке свободного покроя, полосатый словно матрас, он стоял на крыльце, крутил черный ус и соображал, как бы утихомирить весь этот бардак.

— А слабо со мной сыграть? — спросил он с неприкрытой провокационной ноткой в голосе.

— А мы на «просто так» не играем! — пробегая мимо, бросил патлатый малец, пытаясь дотянуться ракеткой до заветного шарика. Ему это удалось, и кто-то следующий, растянувшись на деревянном полу, безуспешно пытался вытащить закрученный удар. Подобрал шарик, патлатый подошел к вожатому:

— Так что будете ставить на кон, сэр? — спросил он, глядя снизу вверх, прямо через офицерские усики вожатого.

— Ты, Серега, выбирай сам! А вот, если проиграешь, то острижешь свою шевелюру наголо.... — и вожатый стал долго объяснять, как придется делать пионЭру, так неосторожно рискнувшему сразиться с вожатым.

— Идет! — как-то без особого беспокойства ответил пионер, чеканя шарик ракеткой, на которой внешняя резиновая поверхность была приклеена пупырышками внутрь. Шарик, подкрученный движением кисти руки, крутился в разные стороны, как очумелый, стараясь спрыгнуть с ненавистой красной площадки, но каждый раз по дуге возвращался обратно.

— А если выиграю я, — сказал патлатый, отбросив длинные прямые светлые волосы со лба — тогда... тогда, ты отстрижешь себе один ус и проходишь так целый день!

На лице вожатого на мгновение появилось сомнение а равноценная ли сделка? Но отступать было некуда и, собравшись с духом, вожатый ударил с пионером по рукам.

Матч века был назначен после полдника из пяти партий.

— Ничего, успокаивал себя вожатый Цель достигнута народ разошелся по палатам и уgomонился. А вечером разберемся, кто из нас круче за теннисным столом!

Показателем дружбы коллектива можно считать скорость, с которой в нем распространяются новости. В «Звездочке» в столовой на полднике кипяченое молоко с печеньем ни кого не интересовало. Все разговоры были лишь о предстоящем состязании вожатого и пионера. Вожатые улыбались, тихонечко похохатывали и делали ставки. Мнения были разные, хотя чувство солидарности объединило большую часть коллектива. Пионеры же не скрывали своих пристрастий к патлатому мальчишке и готовились болеть за него изо всех сил.

Короче, главным участникам пари пришлось изрядно попотеть, чтобы протиснуться к столу через набившуюся толпу, желающих лицезреть столь знаковый матч. Зрители не только набились на веранду, но и стояли на приступке за окнами, вытягивая шеи и цепляясь пальцами за оконный переплет, чтобы не упасть.

И вот состязание началось! Болельщики они всегда и везде болельщики хоть в России, хоть в Англии, хоть в пионерском лагере, хоть в Академии волшебства и магии Гарри Потера! Даже мелюзга из младших отрядов, пролезая меж ногами, устраивалась на коленях, на руках, на плечах зрителей, заглядывая в глаза распахнутыми глазами, которые говорили: «Ну, потерпи немножечко. Мне же тоже хочется посмотреть!»

Судить взялся кто-то из вожатых. Разыграли подачу. И понеслось!

Вы когда-нибудь наблюдали за пропеллером вентилятора? Сначала медленно раскручиваясь, лопасти переходили в режим легкого гудения. Затем звук становился равномернее и наглее, а пропеллер сливался в одно пятно с неясными очертаниями. За столом происходило почти тоже самое. Вожатый, смешно поднимая правую ногу и подбрасывая шарик, дожидался, пока он почти упадет ниже уровня стола, и в этот момент, ловко подкрутив, резко посылал его по диагонали, точно на угол стола, точнехонько

туда, где белые линии, обозначающие кромку, пересекались под прямым углом. И вместо того, что бы подпрыгнуть вверх, где его уже ожидала ракетка пионера, шарик предательски соскальзывал вниз, вертясь как пушечное ядро! Лишь одну из пяти подач удалось поднять пионеру почти с пола, но и ту не дал ему отыграть распалившийся вожатый, вогнав сильным резаным ударом в противоположный угол.

Неудачные подачи патлатого, то и дело отбрасывающего назад свою свисающую на глаза челку, лишь усугубили ситуацию. А две отданные партии вообще грозили крахом и неминуемой расплатой за пижонство, граничащее с наглостью.

— Ага! — торжествовал вожатый, размахивая руками - Ручончики-то, шаловливые, я тебе пообломаю!

И голос его грохотал над столом, отдаваясь в перепонках всех наблюдавших разгром. А вожатый все так же смешно задирает ногу при подаче, все также крутил и размашисто плющил целлюлоидный мячик о стол на стороне пионера.

Народ у окон приуныл. Даже неугомонные чебурашки и те сидели тихо, и только поворачивая чумазое лицо в сторону своих покровителей, переминавших затекшие ноги, взглядом спрашивали: «Ну, как же так? Ну, неужели проиграем?» И не дождав-шись ответа, снова устремляли свой острый октябрятский взор на место ристалища.

В очередной раз поменялись местами. Судья предупредил, что очередная партия может стать последней, и передал шарик подающему.

В этот раз подавал пионер. Взмах его руки был каким-то неуверенным, шарик полетел как незаправленный самолетик. Было очевидно, что сил ему не хватит дотянуть до середины стола, а уж тем более перевернуться на сторону вожатого. Одним словом, неказистая подача явно приходилась в сетку. Это видели все, в том числе и вожатый, который расслабился, предвидя результат. Однако, снижаясь у сетки, мячик на последнем издыхании взмыл на пару сантиметров вверх и, миновав зеленое полотнище, рух-

нул без сил, практически не подпрыгнув, а раскатившись мелкой дробью.

— Что, Серега, силы покидают? Надо молоко на полдник пить! — пошутил вожатый и приготовился к новой подаче. Но история повторилась, и как-то так горбатенько, вяловатенько, но партия осталась за пионером.

Деревянная веранда ходила ходуном! Октябрята подпрыгивали на коленях у старших, крутили головами, хихикали и подначивали вожатого. Старшие улыбались, но эмоциям своим разгуляться не давали. Уже повеселей, по-уверенней, но и четвертую партию патлатый сумел выиграть. Трибуны ревели! Уже ни кто не скрывал своих чувств. Свист, подначки на грани фола, улюлюканье, едкое хихиканье малышни. Группа вожатых выступила было в поддержку своего претендента, но быстро ретировалась перед обрушившимся на них шквалом гогочущей разноголосой пионерии, конечно же, при участии октябрят.

Пятую партию можно назвать Курской дугой или Сталинградской битвой. Оба сравнения будут уместны. Вожатый скакал и дрыгал ногою, пионер летал под столом и мочил гасы с разворота. Толпа неистовствовала.

— Семнадцать-пятнадцать в пользу пионера! — вынес свой вердикт судья, и толпа выдала такую мощь восторга, что децибелы Боинга 707 показались бы журчаньем речки Капаньки у нашего лагеря.

Участники пожали друг другу руки и разошлись без сил, уводя за собой толпы своих почитателей.

К построению на ужин вожатый вышел с одним усом. Второй, согласно договоренности был сбрит, и вместо него на смуглом загорелом лице светилась нетронутая солнцем кожа, подчеркивая недавнее наличие волос.

В столовой все делали вид, что ни чего не произошло, но спина вожатого просто дымилась от взглядов любопытных обитателей лагеря. Рядом сидящие вожатые отворачивали головы и предательски хмыкали. Девушки и женщины участливо улыбались.

Малышня, дружно вышагивая, держась за руки, не стеснялась показывать в его сторону пальцем.

— Ничего, понимаю! — похлопав по спине сидящего за столом вожатого, участливо обронил начальник лагеря.

А на следующий день в столовую вошел герой-победитель, подстриженный почти под бокс, отливая розовой кожей лысой головы. А на вопрос:

— Ты, Серега, это чего? — отвечал просто — Я из-за этой длинной челки чуть матч не проиграл. Теперь уж дудки!